

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ КУИНСИ ДЖОНСА	7
Глава 1. «ПРЕДСТАВЬТЕ»	11
Глава 2. УНИФОРМА	31
Глава 3. PEOPLE'S PLACE	51
Глава 4. «ГНЕМ СВОЮ ЛИНИЮ»	67
Глава 5. ОТ ГЛАВЫ ПЕРВОЙ К ГЛАВЕ ОДИННАДЦАТОЙ	97
Глава 6. «ВЫЖИВАНИЕ В XX ВЕКЕ»	112
Глава 7. БОЛЕЗНИ РОСТА	152
Глава 8. В ИНДУСТРИИ МОДЫ НЕТ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ	168
Глава 9. «ВИСЕЛИЦА», или «УГАДАЙ СЛОВО»	202
Глава 10. СОБИРАЯ КОМАНДУ	213
Глава 11. БОЛЬШЕ И ЛУЧШЕ	226
Глава 12. ДЕТИ В ПОРЯДКЕ	253
Глава 13. СВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ	264

Глава 14. СЫНОВЬЯ И ДОЧЕРИ	280
Глава 15. РОК-СТИЛЬ	300
Глава 16. ХИП-ХОП ПРИХОДИТ В HILFIGER	315
Глава 17. СЛУХ	325
Глава 18. «БРЕНДИНГ ЗВЕЗД»	331
Глава 19. ГРУППА РАСПАДАЕТСЯ	343
Глава 20. МЫ — СЕМЬЯ	361
Глава 21. ПРЕВРАЩЕНИЕ ПУБЛИЧНОЙ КОМПАНИИ В ЧАСТНУЮ	388
Глава 22. КРОВАВАЯ БАНЯ НА СОВЕТЕ ДИРЕКТОРОВ	400
Глава 23. ПЕРЕМЕНЫ К ЛУЧШЕМУ	411
ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ	423
УКАЗАТЕЛЬ	429
СВЕДЕНИЯ ОБ ИЛЛЮСТРАЦИЯХ	440
ОБ АВТОРАХ	445

Вирджинии Джеррити Хилфигер,
Ричарду Конгдону Хилфигеру, Уильяму Генри Хилфигеру,
Джеймсу Сироне и Ди Оклеппо Хилфигер.
И моим детям:
Александрии, Ричарду, Элизабет, Кэтлин и Себастьяну.
Мои дети придают вкус моей жизни.
Они дают мне молодость и вселяют бодрость духа.

TH

Дэниелу

PK

ПРЕДИСЛОВИЕ

КУИНСИ ДЖОНС

Мне нравится это название для книги Томми, потому что это свидетельство о моем друге, местах и людях, которые сформировали его характер и те возможности, которые появлялись у всех нас, когда мы набирались смелости сделать попытку. Не давая моему джазовому уму буйствовать, я думаю, это отражает то, как он всегда идет на один шаг дальше; без ограничений, позволяя сталкиваться культурам и создавая новые правила. Это был дух, который объединил нас, когда мы впервые встретились двадцать пять лет назад.

Вспомните 90-е годы. Это был революционный момент в музыке. Я помню, как, работая с несколькими музыкантами в Hit Factory, я согласился пойти на ужин с Томми после того, как меня представила моя дочь Кидада. У меня всегда был дар интуиции, и как раз тогда был момент, когда процветал хип-хоп и все движение городского образа жизни. Артисты, которые сотрудничали со мной в студии и появлялись на страницах журнала Vibe, обычно выражали себя очень оригинальными, неподдельными способами. Кидада была одной из нас, выступая в качестве стилиста в журнале, и охотницы за модой, и музы для Томми, и ему уделялось много внимания. Его линией была классика, уходящая корнями в чистые стили Лиги плюща и спортивной формы, и он

ПРЕДИСЛОВИЕ

выглядел свежо после всего демонстративного блеска 80-х. Конечно, дизайнеры и раньше работали с музыкантами. Этим славился Мотаун. Но это было другое. Это был шанс для подлинного соударения музыки и моды, чего никто не делал раньше. Заметьте, я говорю не о костюмах — это касается доступной, достижимой одежды, которую люди могли бы сделать своей собственной. Таков был Томми, признавая силу музыки, противостояние науки и души, силу, которая могла поднять ребенка вроде меня, чтобы вывести из гетто и дать цель и надежду. Он знал, что музыка может стать движущей силой, которая выведет его бренд в мир. В этом было волшебство. И когда мы сели в мой «Линкольн» той ночью в Нью-Йорке, я знал, что этот парень имеет истинную душу, и я повернулся к нему и сказал: «Мужик, ты перевернешь все вверх дном». Томми и я нашли общий язык с первого дня. Мы пришли из разных миров — я, парень в обносках из Чикаго, и Томми, мальчик из небольшого городка в захолустье, — но мы оба начали с нуля и умели упорно трудиться, чтобы развить свои основные навыки и строить большие планы. Преодолев столько препятствий, чтобы построить собственную карьеру, я почувствовал, что с такими замыслами и напором этот молодой человек добьется успеха. Он вырос в штате Нью-Йорк и был одним из девяти детей, родители которых знали, что такое тяжелые рабочие будни. Глубокие корни любви к музыке сыграли ключевую роль в первом предложенном им стиле, от колоколообразных джинсов с персонализированными заплатами до футболок с напечатанным рисунком и цветных пиджаков, — это был реверанс в сторону исполнителей, которыми он восхищался. Он пережил успех и последующую неудачу, когда прибыль ушла от него. Я часто говорил, что есть музыка, а есть музыкальный бизнес, и, если вы хотите выжить, вы должны понять разницу между этими вещами. Тот же принцип оказался справедливым в отношении Томми, но он получил свои удары, вынес свои уроки, отложил в долгий ящик свои стра-

ПРЕДИСЛОВИЕ

хи, и, самое главное, он продолжал идти. Я не знал Томми в те дни, но любой, кто попадал на остров Манхэттен, видел рекламный щит в середине Таймс-сквер, провозглашавший, что в городе появился новый парень. Это выглядело как детская игра в виселицу. Это был смелый жест, некоторые, возможно, даже назвали бы его безрассудным, но я думаю, что жизнь и, конечно, бизнес — это никогда не бояться делать то, что подсказывает сердце, и следовать за своей мечтой. Вы можете не беспокоиться о том, что думают другие люди, потому что речь идет о строительстве и создании того, что раньше не существовало. Я говорю о риске. И если ты не боишься его, то шансов на успех гораздо больше. Я слышал, как Томми говорил не раз, что серость — это не вариант, и это так же верно сегодня, как тогда. Любой человек с видной карьерой скажет, что это далось тяжело. Томми не боялся тягот.

Я видел, как Томми на протяжении многих лет находит время для своих детей и побуждает их к поиску своей страсти. Я наблюдал, как он делает то же самое для моей дочери. Томми дал Кидаде дерзновение в следовании своим инстинктам и дал ей платформу, чтобы показать свои таланты и стать бизнесвумен/деловой женщиной, какой ей надлежало стать.

Сейчас я оглядываюсь назад, в те дни, когда мы с Томми впервые встретились и начали сотрудничать, и только улыбаюсь. Вместе со всеми этими невероятными артистами нам удалось создать нечто культовое в поп-культуре и начать революцию в современном маркетинге. Подумать только, это ведь сам король поп-музыки был одет в трикотаж от Томми Хилфигера на обложке журнала *Vibe*; это ведь Энди Хилфигер и Кидада сумели собрать Алию, Марка Ронсона и Кейт Хадсон в гастрольном автобусе, чтобы устроить модные показы по всей стране; это ведь сами «Роллинг Стоунз», Шерил Кроу, Бритни Спирс показывали одежду Томми во время поездки. Мы были первопроходцами с общей идеей о том, что

ПРЕДИСЛОВИЕ

музыка и мода не только связаны, но жизненно важны друг для друга.

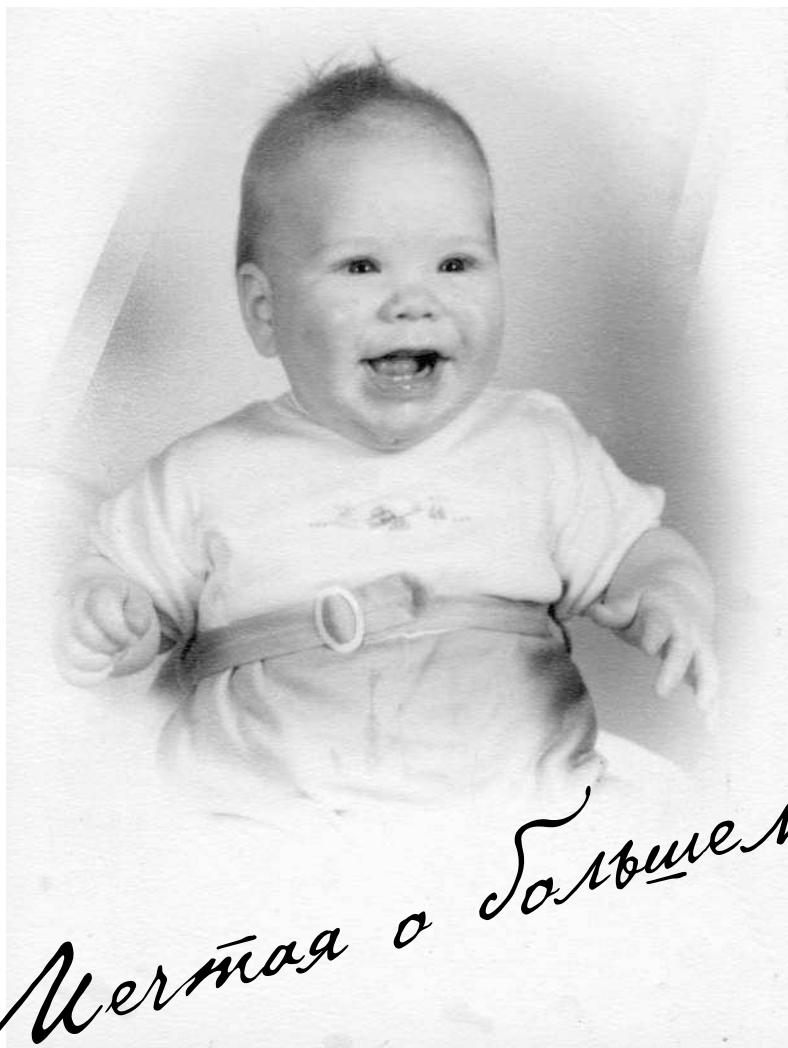
Томми был на вершине мира, но я думаю, что нашу дружбу укрепила его потребность воздавать добром. Он никогда не забывал, откуда он родом, и благотворительность была и остается огромной частью его жизни. Мы работаем вместе, чтобы поддержать благотворительный фонд LIFEbeat, фонд We Are Family и «Концерт мечты» в пользу мемориального фонда Мартина Лютера Кинга. Его фонд Томми Хилфигера и теперь фонд Tommy Cares поддерживают бесчисленные изменяющие жизнь проекты и инициативы на протяжении многих лет. И Томми не только пишет свое имя на чеке. Он вдохновляет и поощряет своих сотрудников жертвовать своим временем, он соглашает каждое пожертвование, которые они делают, и он вкладывает собственные усилия.

Кто-то однажды сказал мне, что в течение жизни мы проходим три фазы: стремление к материальному, стремление к власти, и, наконец, достигаем стадии отдачи без ожидания чего-либо взамен, кроме счастья от того, что сделали это. Вот это «американская мечта», а Томми Хилфигер — он живет ею.

Поздравляю, брат! Я люблю тебя, человек.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«ПРЕДСТАВЬТЕ»¹

Мечтая о большем

¹ Аллюзия на песню Джона Леннона Imagine. — Примеч. пер.

Я ВСЕГДА ПЛАНИРОВАЛ ПОБЕГ. В основном в мечтах. Вытаскивал себя оттуда, где находился, и мысленно переносился в другое место. Улизнуть из школы после обеда? Рвануть куда-нибудь на эти выходные? Попасть на тусовку? Я мечтал об автомобилях, спорте, девушках; хотел делать деньги, наслаждаться жизнью, быть рок-звездой. Представлял себя в лодке на Багамах, ощущал ветер на своем лице, слышал хлопанье парусов, когда меняли галс, скользил взглядом вдоль мачты, устремляя взор к белым облакам и голубому небу. Я видел все воочию.

У меня было восемь братьев и сестер. Однажды воскресным утром мой отец забил снаряжением кузов универсал, усадил всех нас в машину, и мы отправились в Дентон-Хилл, горнолыжный курорт в Пенсильвании. Пока все пытались привлечь к себе внимание, я уставился в окно и заметил хижину на склоне горы. Представил себя в этой хижине; но в моей фантазии она походила на швейцарское шале, где в большом каменном камине пыпал огонь. Мои лыжи стояли наготове у крыльца. Мне захотелось оказаться в лыжном патруле, и я живо вообразил свой рюкзак, в котором лежали швейцарский армейский нож, аптечка, рация и сложенная палатка. Даже почувствовал запах сосен, увидел искристый белый снег, прикоснулся к хвойным деревьям. Не знаю, откуда взялись эти детали; я был одержим фильмами Уолта Диснея, так что, вероятно, из них, или они навеяны фильмом «Звуки музыки».

Мой отец, Ричард, часовщик и ювелир, не был человеком фантазий. Он говорил, что мне надо научиться ремеслу, чтобы иметь надежную профессию и зарабатывать на жизнь.

— Что такое ремесло?

— Выучишься на механика, чтобы работать в мастерской, или на плотника.

Мне не хотелось становиться роботом, который просыпается по утрам и изо дня в день делает одно и то же. В мастерской было лучше, чем на уроке алгебры, но это не особо интересовало меня. А для меня важен интерес.

Дома было неинтересно.

Я родился в 1951 году и вырос в Элмайре, штат Нью-Йорк, в жилом доме на две семьи, разделенном общей стеной, на Лорел-стрит, 921, около Пенсильвания-авеню. Семья моего отца имела немецкие и швейцарские корни; родственники моей мамы происходили из Ирландии и Шотландии. Девичья фамилия бабушки по материнской линии была Бернс, и, предположительно, мы состояли в родстве с поэтом Робертом Бернсом, но об этом никогда не говорили в нашем доме, потому что Робби Бернс имел репутацию бабника и пьяницы. Вся семья, все одиннадцать человек, каждый вечер ужинали за одним большим столом; здесь царил хаос. В любой момент времени в высоких стульчиках сидели несколько детей. Я любил дразнить своих сестер, стараясь их рассмешить. Кто-то из братьев мог пролететь через всю комнату. От гомона звенело в ушах. Но когда мой отец приходил домой и бил кулаком по столу, все умолкали. Он садился за стол последним, обычно в плохом настроении. Его присутствие вызывало в нас чувство тревожности и нервное хихиканье. Это бесило его, отчего мы лишь распалялись, окончательно выводя его из себя. Каждый

Я часто предавался мечтаниям, которые развили во мне фотографическую память. Увидев картины, мысленно делал щелчок, и она запечатлевалась навсегда. Цвета, ощущения, свет, патина. Все до мелочей.

вечер мы старались держать себя в руках и каждый вечер приводили отца в ярость.

Когда оставались одни, мы обычно спрашивали маму: «Почему папа такой сердитый?» Моя мать, Вирджиния, дипломированная медсестра, трудилась в ночную смену — с шести до одиннадцати часов. Она приходила домой, готовила завтрак для всех нас и не успевала выспаться, но всегда находила во всем лишь хорошее. Миниатюрная женщина с каштановыми волосами, у которой один глаз был зеленый, а другой — карий, добрая, теплая, чуткая и любящая. Мама была поистине святой.

«В магазине у папы работает кондиционер, а когда он возвращается домой, здесь нет кондиционера, милые». Вот почему он сердился летом. «Дорогу не почистили, а на ней гололед, дорогие». Вот почему он сердился зимой. Отец был в плохом настроении каждый сезон, почти постоянно.

Мой отец любил встречаться с приятелями. Они с удовольствием играли в карты, стреляли по тарелочкам, ходили в бар и делали спортивные ставки. Его жизнь, вызывавшая в нем радостное возбуждение, протекала за пределами дома. Он был красив, безупречно одет и любим всеми, кто его знал. Общаюсь с соседями, клиентами и друзьями, он был совершенно очаровательным, но дома представлял совсем другим, и никто не видел этого, кроме нас. Содержание дома обходилось дорого. Приходилось выплачивать ипотеку и покупать одежду для девятерых детей. Он был воспитан протестантом, а женившись на моей матери, принял католичество. Отец следовал этим правилам, тем не менее Ричард Хилфигер, разумеется, не казался довольным жизнью, хотя при таком количестве детей был прилежным кормильцем. Сомневаюсь, что он хотел иметь девятерых детей. Возвращение домой означало для него столкновение с реальностью. Каждый вечер, когда его машина въезжала на подъездную дорожку, мы разбегались и умолкали.

Если я оставлял велосипед на подъездной дорожке, или мои туфли лежали на лестнице, а не в моей комнате, куда их надлежало убрать, или я ударил сестру (это происходило примерно раз в неделю, когда мне было пять лет, и продолжалось до 11-летнего возраста), отец наказывал меня и шлепал, причем сильно. Я ненавидел и боялся отца и всегда стремился избегать его общества. И научился мастерски скрываться от отца, когда он находился дома. Становился фантомом, призраком. Прятался от него, потому что никогда не знал, в какой момент он обнаружит мои оплошности и набросится на меня.

Моя мама была очень доброй и любящей, и ей претило физическое наказание. Она знала, что это неправильно. Желая защитить меня, она негромко говорила мужу: «Хватит». Мама пыталась сгладить наши отношения, но я всегда пре-бывал в тревоге, что чем-то выведу его из себя, и каждую неделю он на деле доказывал небезосновательность моих опасений.

Неважно, вел ли я себя лучше или хуже, — отец пугал меня каждый день моей жизни.

Когда в семье девять детей, жизнь сложна. У всех нас были определенные роли в семье, но не уверен, что они имели разумное обоснование. Кэти, первенец, творческая натура, обладавшая прекрасным вкусом. Она постоянно делала в доме перестановки: лампу сюда, стол туда, кушетка передвигалась к другой стене. Она содержала все в чистоте и во всех отношениях была прилежной. Еще она остро ощущала отсутствие достатка в доме. Она замечала, как одеты другие люди, где и как они живут: «Ой, смотри, у них хорошая машина»; «У них красивый дом и бассейн»; «Их отец врач. Они, наверное, богатые». Это ощущение передалось и мне.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мы смотрели на детей бизнесменов, видели, как они хорошо одеты и воспитаны, живут в добрых домах, и думали: «Они само совершенство».

Кэти попыталась вступить в школьную команду поддержки спортивных состязаний. В то время участницы этих команд отличались яркой красотой, и сильно расстроилась, когда не прошла отбор. Однако она была хорошей гимнасткой, поэтому ей предложили стать талисманом Фри Академи, старшей школы Элмайра, Синим Дьяволом. Она была очень привлекательна, но никогда не задумывалась о своей внешности. Она просто не понимала, как была красива.

Я был вторым ребенком, на два года младше, и ничего не умел делать правильно. Позорно не успевал в школе и, несмотря на спортивный азарт, так и не стал спортсменом. Это бесконечно огорчало моего отца. Мори Коллинз — один из лучших друзей отца. Его сын Чарли был прекрасным футболистом. Мори мог без устали рассказывать о Чарли. Думаю, это глубоко задевало моего отца, потому что он не мог похвастаться моими успехами. Тренеры говорили мне: «Ты не вышел ростом для баскетбола» или: «Ты недостаточно крупный для футбола», и мне не нравился бейсбол. Мне не удалось преуспеть в чем-либо. Отец любил рассказывать мне про соседских детей: «Томми Линч гениальный!», «Отличный парень этот Скотти Уэлливер!», «Джимми Роджерс великолепный баскетболист!» А потом с презрением смотрел на меня. Не знаю, что такого натворил, что разозлило его, но, став старшеклассником, понял: я не смогу заставить его изменить отношение ко мне в лучшую сторону. И оставил эти напрасные попытки.

Моей сестре Дороти, родившейся через год после меня и названной в честь матери нашего отца, нравилось имя Сюзи, и она попросила всех называть ее так. С тех пор она стала Сюзи. Она была умницей. Любознательная, любительница приключений, общительная — она была кем угодно, только не книжным червем, но поражала всех своими неиз-

менно звездными оценками. Сестра обладала быстрым умом, имела толпу друзей и готовые ответы на любой вопрос. Мой отец питал к ней слабость, потому что в детстве она часто болела и в подростковом возрасте у нее диагностировали рассеянный склероз¹.

А я был мечтателем. Сама жизнь вынуждала меня фантазировать, потому что не мог понять очевидные для всех вещи. Английский язык, история, математика — выше моего понимания. Когда я пытался читать книгу, мне хотелось, чтобы глава занимала пару страниц, и начинал чтение снизу вверх. Мои глаза перескакивали с одной строки на другую, могли попасть в середину страницы, и я читал снизу вверх. Иногда мне хотелось начать с правой страницы разворота и читать задом наперед — просто не мог этого контролировать.

Я стремился к знаниям. Мне было интересно. Думаю, меня можно было назвать любознательным, но я всегда отвлекался на происходящее вокруг меня. И поскольку не мог усваивать информацию так, как это делали все остальные (моя дислексия выявится значительно позже), я схватывал вибрации, мимику, язык тела и развивал мой собственный радар как способ поддержки. И плутовал.

Я сидел в классе старшей школы на уроке математики у мистера Губера и думал обо всем, кроме алгебры. Это было запредельно сложно для меня — $2x$, деленное на y , квадратные корни, и не мог не беспокоиться: «Если я преодолею это, мне нужно заняться геометрией!» И никак не мог сосредоточиться, поэтому каждый раз лишь все больше путался. Так что решил просто посещать занятия, угадывать ответы на тесты, а там посмотрим, чем закончится учебный год.

Я видел, что другим детям в классе все понятно. Когда мистер Губер раздавал проверенные работы, они получали больше девяноста баллов. Моя контрольная была исписана

¹ Рассеянный склероз — хроническое аутоиммунное заболевание, при котором поражается миелиновая оболочка нервных волокон головного и спинного мозга.

красными чернилами и оценена в тридцать пять баллов. И пока он разбирал ответы, а одноклассники исправляли свои ошибки и делали нужные пометки на будущее, я, бывало, уставлюсь на туфли от Thom McAn, которые были на учителе, его коричневые брюки из полиэстера, его белую рубашку, «не требующую глажки после стирки», его галстук, «не требующий глажки после стирки», и думаю: «Мистер Губер, наверное, хороший клиент универмага Sears!»

Некоторые учителя относились ко мне с пониманием, потому что были хорошими людьми, а я рос милым ребенком, любившим пошутить. У меня было множество друзей, и мы едва сдерживали свое веселье, чтобы нас не выгнали из класса. Моим коронным номером была имитация, и когда учитель отворачивался, чтобы написать что-то на доске, я копировал его жесты или подражал его голосу, желая вызвать смех, в основном для того, чтобы прикрыть свою неуспеваемость.

Я знал, что они думали обо мне: этот мальчик,
по-видимому, не подает особых надежд.

Обычно, находясь в классе, я смотрел в сторону доски, но не видел ее. А какой в этом смысл? Все равно ничего не мог прочитать. Но мог в деталях описать, как был одет учитель.

Меня оставили на второй год во втором классе старшей школы. Это стало серьезным конфузом. Более того, оказался в классе моей младшей сестры Сюзи, и что еще хуже, она получала больше девяноста баллов, а я в лучшем случае пятьдесят.

Сюзи, ко всему прочему, имела отличный вкус. Она чувствовала сочетаемость цветов, обращала внимание на бренды и заботилась о содержимом своего гардероба и комода. Сюзи безупречно складывала все свои пулloverы, всегда помнила о том, что у нее есть, — мое самое раннее воспоминание